

О ГОГОЛЕ

Явление Гоголя в русской литературе еще недавно казалось до конца объясненным и понятным. Многочисленные и разнообразные исследования его творчества воздвигли во — «его прочную «научную» стену, за которой нам жилось спокойно. Авторитеты, всеми уважаемые, развесили на этой ене Указующие стрелки, объявления и расписания. Тут и о «генезисе Гоголя» и о «месте его в истории русской литературы», и о влиянии, и нечто о смехе сквозь слезы, и нечто о гуманных идеях. Все разъяснено, все прибрано по местам все систематизировано. Гоголь — величина строго определенная соизмеримая с другими величинами; явление историческое вызванное тем‑то и вызвавшее то‑то. Стараниями Яновских, Овсянико–Куликовских и Котляревских нута «научная цель»: полное «осмысление».

Если наша эпоха продолжит этот путь и положит несколько новых камней на возведенную стену, если она, приняв целиком научно–критическую легенду о Гоголе, будет «дорабатывать» ее, она докажет только, что Гоголь ей чужд и не нужен. Замена человека формулой и определением говорит не о любви, а о безразличии. Довольно венков было возложено на бюст «великого писателя»; нам следовало бы предоставить это занятие любителям чествований и заменить гипсовую маску живым лицом. Если мы хотим открыть Гоголя, мы прежде всего должны усомниться во всех предшествовавших открытиях его; если хотим, чтобы он ожил для нас и среди нас — отвергнуть его «классическую», историческую мумию. Нам нужен современный живой Гоголь, без перспектив во времени, без couleur locale николаевской эпохи, без археологии. Живой человек, к которому мы можем подойти вплотную, помимо специалистов–переводчиков. И наше знакомство с ним должно начаться с удивления, с недоумения, с вопросов. Он должен волновать, тревожить, потрясти. Там, где еще недавно была тишь да гладь (логика, причинность, идеи), должна вскипеть пучина. Исследователи считали своим долгом «навести порядок», обойти неясное, сгладить противоречивое, замолчать иррациональное; мы пойдем обратным путем: заподозрим все, что слишком логично и вразумительно, откинем систему, углубимся в странности, заблудимся в лесу противоречий. Нас не соблазнят ни «реализм», ни «бытоборчество», ни морализм Гоголя; мы не поверим в «русскую действительность» «Ревизора» и «Мертвых душ», не отделаемся беглой ссылкой на фантастику при рассмотрении «Шинели», «Носа», «Портрета». И тогда гоголевский мир, непостижимый, необычный, нереальный, но *подлинный*, как наваждение, обрушится на нас с новой силой.

Конечно, трудно отказаться от желания понимать: трудно погрузиться в мир, освобожденный от логики и причинности. Мы и в художественном произведении жаждем «познания»; а какое же тут познание, если у Гоголя: «Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия: вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника... очутился, как ни в чем не бывало, вновь на своем месте, то есть именно между двух щек майора Ковалева... Нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю».

Под знаком «непонимания» проходит все творчество Гоголя. Его прием: взять самую что ни на есть **осмысленную**, упорядоченную «картину» действительности, во всем **мелоч** ном правдоподобии быта, незаметно нажать на нее и **расска** зать, какая «чепуха» вдруг получилась. Нарушены **взаимоот** ношения частей, скривились линии, пошатнулись **дома**, деталь выросла горой, горы сплющились; перепутались **пла–перспективы**, люди и вещи. И над всей этой неразберихой **дьявол** зажигает свой фонарь, чтоб все настоящее казаось **сном**, а сон — действительностью.

Мир **Гоголя** — маленький кружок, пятно света от дьявольского фонаря. Кругом мрак, из которого в кружок врываются **призраки**, шарахаются, как **летучие** мыши, и **неуклюже** исчезают. **Микроскопический** мирок Ивана Ивановича и **Ивана Никифоровича**, где слово «гусак» глядит каким‑то **страшным** роком, мирок

старосветских помещиков, где ту же роль бессмысленной судьбы играет кошка, мир Акакия **Акакиевича** — с шинелью, город в «Мертвых душах», где **Чичиков** вырастает до Наполеона. Незначительное — важно, **важное** — ничтожно. Плотная и гладкая поверхность жизни **становится прозрачной** и невесомой: под мнимой разумностью царит бессмыслица, под порядком — хаос. Автор задает вопросы и никогда на них не отвечает. Критики постарались помочь автору в его беспомощности. На все его вопросы **ответили**. То есть попросту «упразднили» Гоголя. Наше время меньше заботится о «синтезе» **и** «гармонии» — а потому наш Гоголь — другой. Не моралист **и** бытописатель, **а** единственный художник гротеска и фантазии.